

УДК 811.161.1'371.-116.3

ЯЗЫКОВЫЕ АНОМАЛИИ В ПРОЗЕ А. БЕЛОГО

Гажеева И.Д.

Львовский национальный университет имени И.Франко, г. Львов, Украина

Языковые аномалии рассмотрены в статье как характерная примета идиостиля А.Белого; намечена возможность их типологизации с точки зрения теории речепорождения; выявлена их функциональная нагрузка в проекции на специфику мироощущения писателя.

Ключевые слова: языковые аномалии, теория речепорождения, вербализация, категоризация, глубинная структура, поверхностная структура

Актуальность. Языковые аномалии относятся к числу приоритетных объектов современных лингвистических штудий. Среди множества публикаций, посвященных этой проблематике, можно назвать несколько фундаментальных – не столько по объему проанализированного материала, сколько по предложенной методике, а также по тому резонансу, который имели эти работы в лингвистическом мире, по количеству исследований, инспирированных ими. Это статьи Н.Д. Артюновой [2], Ю.Д. Апресяна [1], И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер [5]. Начало исследования этой проблематики в отечественной лингвистике было положено монографией Ф.С. Бацевича [3], фундирующей даже новую дисциплину «девиатологию». Из всех перечисленных работ наиболее знаковой является статья И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер, поскольку в ней впервые осуществлена попытка не просто инвентаризации и типологизации аномалий, но реконструкции самого процесса порождения аномалий при движении говорящего от смысла к речи, то есть опыт исследования проблемы языковых аномалий в аспекте речепорождения. Такой аспект является очевидно актуальным в свете парадигмальной переориентации современной лингвистики.

Примечательно, что объектом исследования в указанной статье И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер стали языковые аномалии в прозе А.Платонова. Проза А. Платонова, как известно, буквально насыщена языковыми аномалиями. Однако при этом ее информативность, равно как и ее художественность только повышаются – в силу поразительного единства ее формы и содержания, единства, по словам Ю.И. Левина, необычного для прозы и достижимого только в поэзии. Собственно как результат изумления перед этим поразительным единством и возникли многие лингвистические работы, посвященные языковым аномалиям. Здесь, помимо упомянутой статьи И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер, следует назвать монографию М. Михеева [7], а также работы Ю.И. Левина [6], М.А. Дмитриевской [4]. Вообще в девиатологии можно, пожалуй, выделить даже отдельное направление – девиатологию А. Платонова. При этом обычно исследуются не просто типы языковых аномалий в прозе А. Платонова, но также и достигаемые с их помощью смысловые приращения, создающие собственно неповторимый поэтический космос А. Платонова. В связи с этим о девиатологии А. Платонова можно говорить и как о магистральном направлении в исследовании его

идиостиля. Если же ставить вопрос о генеалогии идиостиля А. Платонова, то наибольшую близость можно обнаружить между языком А. Платонова и А. Белого – причем именно по линии языковых аномалий. Однако об этой близости, как правило, упоминается мельком в исследованиях полуэссеистического характера. Так, в частности Е. Сабуров в статье «Прошло сто лет, и юный град», посвященной роману «Петербург», справедливо отметил: «... продолжением романа «Петербург» стал роман «русская литература XX века». Уже проза О. Мандельштама немислима, непредставима без прозы А. Белого... Впрочем, серьезным продолжением «Петербурга» стали трилогии К. Вагинова и А. Платонова... Платонов берет реплики А. Белого, их структуру и наполнение и делает из них повествовательную ткань. На самом деле это (сохранен стиль автора цитируемого отрывка – И.Г.) иногда делает и сам Белый, но редко и неожиданно. Платонов лупит читателя этим языком по голове непрерывно...» [8, с.71]. При этом лингвистическая природа отмеченной близости идиостиля серьезно еще не исследовалась.

Постановка проблемы. Очевидно, что первым этапом при осуществлении подобного рода сопоставительного анализа должно стать изучение проблемы языковых аномалий в прозе А. Белого. Приближением к этой цели и является настоящая работа.

Итак, исследование языковых аномалий обычно осуществляется в одном из следующих аспектов:

– в аспекте анализа механизмов их образования, в частности в проекции на теорию речепорождения, и экспликации конститутивных признаков аномалий в их противопоставлении риторическим фигурам;

– в аспекте выявления семантических приращений, достигаемых в результате использования аномалий в тексте, и, соответственно, их функциональной нагрузки.

При анализе языковых аномалий А. Белого мы пытались ориентироваться на оба подхода – по примеру М. Михеева [7] – и двигаться по намеченному им маршруту «в мир А. Белого через его язык».

К возникновению языковых аномалий в общем случае приводит, как правило, действие следующих причин: 1) избыточность в выражении того или иного смысла, разного рода тавтологичность; 2) нарушение лексической, лексико-семантической и грамматической сочетаемости на уровне слов и семантической и семантико-синтаксической сочетаемости на уровне предложения. Тексты А. Белого изобилуют примерами языковых аномалий обоих родов, часто избыточность и нарушение сочетаемости совмещаются.

При рассмотрении языковых аномалий А. Белого представляется целесообразным, вслед за И.М. Кобозевой и Л.Н. Лауфер, сосредоточить внимание на самом процессе вербализации мысли автором, а также на вопросе о том, на каком, собственно, из этапов вербализации рождается неправильность.

Ученые, занимавшиеся проблемой вербализации – а начало этому было положено работой У. Чейфа [9], – обычно выделяют следующие этапы вербализации:

расчленение исходного замысла

категоризация

пропозиционализация (лексикализация)

построение поверхностной структуры замены

Языковые аномалии А. Белого, строящиеся на принципе семантической избыточности, могут возникать на любом из перечисленных этапов, хотя аномальность на более глубинном уровне очень часто влечет за собой аномальность на уровнях более

поверхностных. Например, контекст *Замерзший кондуктор, греясь от холода, вытопатывал рядом с Хандриковым, точно он глумился над дикой грезой его* представляет собой результат избыточного расчленения языкового замысла. Под «языковым замыслом» обычно понимают некое целостное представление ситуации, в котором говорящий должен выделить отдельные аспекты, достойные упоминания. Количество выделяемых аспектов определяется по количеству предикативных элементов. В приведенном контексте избыточно выделение «целевого» аспекта, соответствующего деепричастному обороту *греясь от холода*, поскольку цель – при указании причины (*замерзший кондуктор*) – имплицирована в самом значении глагола (*вытопатывал*). Кроме того, внутри самого избыточно выделенного аспекта (*греясь от холода*) – уже на уровне пропозиционализации – избыточна предложно-падежная форма *от холода*, поскольку соответствующий смысл уже выражен значением самого деепричастия *греясь*. В данном контексте, кроме того, имеет место замена, то есть подстановка вместо некоторого выражения в готовой поверхностной структуре другого выражения. Так, предусматриваемое узусом выражение *топал на месте* заменено неологизмом *вытопатывал*, созданным по типу *вытанцовывал, выстукивал*. Последние предполагают открытие валентности Obj (объекта), еще точнее валентности Content (содержания), ср.: *вытанцовывал (что?) сложные па, выстукивал (что?) дробь*. Эта валентность по аналогии начинает ощущаться как потенциально присущая глаголу *вытопатывал*, хотя непосредственно в этом контексте она и не открывается. Тем не менее, ее имплицитное присутствие в значении глагола делает семантически мотивированным ту болезненно-абсурдную семиотизацию, которой главный герой симфонии подвергает этот абсолютно быговой жест: *вытопатывал, будто смеялся*.

Контекст *И она бродила в пространствах, то белея, то вспыхивая о нем* являет собой пример двойной категоризации. Под категоризацией традиционно понимают отнесение выделенного фрагмента к определенному абстрактному типу ситуаций. О двойной категоризации в приведенном контексте свидетельствует на поверхностном уровне открытие чуждой валентности Content (Содержания) при глаголе *вспыхивать*. Валентность Content характерна для ментальных и речевых глагольных предикатов: *думать о нем, говорить о нем*. В результате двойной категоризации в данном случае достигается эффект стереоскопического снимка: восстановимый контекст *‘она бродила в пространствах, белея платьем и вспыхивая поясным зеркальцем меж стволов деревьев’* предполагает присутствие внешнего наблюдателя, имплицированное значение *‘думала при этом о нем’* – «внутреннего», в результате чего читатель, наблюдая за героиней издали, в то же время является как бы ее внутренним собеседником. Создание стереоскопичности видения ситуации – одна из характерных черт поэтического космоса А. Белого. Причем стереоскопичность достигается иногда за счет совмещения разных пространств, как в рассмотренном выше примере, иногда – за счет совмещения разных временных срезов, как, например, в следующем метафорическом контексте *...платье проструилось на пол огневым, измятым лепестком* [4, с. 354]. При категоризации процесса его можно рассматривать на уровне 1) его физического протекания и 2) последствий, результатов этого протекания [5, с.129]. *Проструилось* обозначает законченный, свершившийся процесс, в результате которого платье оказалось лежащим на полу, то есть категоризирует ситуацию на уровне следствий. Сравнение с лепестком, очевидно, относится к платью, лежащему на полу, поскольку именно оно может быть измятым. Глагольная метафора же, напротив, уподобляет струящейся воде именно падающее платье (предшествующий уровень категоризации – уровень физического

протекания). Таким образом, в данном контексте совмещены два взгляда на предмет: «более ранний» и «более поздний» – в их «неслиянности» и «нераздельности».

Если вернуться к предыдущему контексту (*И она бродила в пространствах, то белея, то всдыхивая о нем*), то следует заметить, что здесь, кроме того, реализуется магистральная для А. Белого тенденция к остранению, попытка взглянуть на мир новыми глазами, глазами ребенка, иными словами, попытка отказа от знания всех причин и следствий, всех импликаций и всех конвенций. А. Белый считает возможным семиотизировать действительность по собственному произволу: *всдыхивать* оказывается возможным не просто так, но *о ком-то, о чем-то*. И в то же время улыбки и привычные приветственные жесты могут оказаться десемиотизированы ср.: *Ему встретился на извозчике господин в котелке с рыжими отпрысками бороды... Обменялись поклонами. Философ с деланной небрежностью приложил руку к фуражке, а сидящий на извозчике раздвинул рот, чтобы обнаружить свои гнилые зубы, и приветственно поворачивал кистью руки*. Этот небольшой контекст, состоящий из трех предложений, буквально изобилует разного рода неправильностями. Прежде всего обращает на себя внимание необычная категоризация ситуации: ‘раздвинул рот’ вместо ‘улыбнулся’. Глагол *улыбаться* относится к глаголам выражения эмоций, то есть категоризирует ситуацию не на уровне физического действия, а на уровне его последствий (интерпретации действия), ибо само физическое действие служит здесь как бы только телом знака. Его замена на описательную перифразу *раздвинул рот* лишает действие его знаковости, обесмысливает его до абсурдности, что подчеркивается развитием у значения грамматической валентности Dest (цели) и, соответственно, распространением предложения целевым придаточным *чтобы обнаружить свои гнилые зубы*. На уровне собственно языковой техники здесь гнет нарушений, они есть на уровне реализуемой картины мира, которая создается человеком, сознательно десемиотизирующим общепринятые знаки: вне конвенций (у А. Белого – с точки зрения вечности) эти знаки выглядят нелепо.

Та же тенденция к остраненному, внеконвенциональному взгляду на мир реализована в контекстах: *Дворники поднимали прах (вместо пыль – замена на квазисиноним со специфически негативным ореолом) столбом, не смущаясь гримасами прохожих, гогоча коричнево-пыльными лицами; ... субъект (так сказать, обыватель) ... глядел на проспект стерто-серым лицом*. В данных фрагментах обыграны известная многозначность русского творительного, в частности его способность заполнять валентности Instr (инструмент) и Mod (способ действия). Валентность Instr (в ее разновидности ‘действующая часть тела, орган’) является инкорпорированной для глаголов гоготать и глядеть: очевидно, что гоготать можно только голосовым аппаратом и ртом, а глядеть – глазами. В узусе эта валентность эксплицируется, если указывается на какую-то дополнительную особенность осуществляющей это действие части тела, в результате чего творительный начинает восприниматься как заполнение валентности Mod: не посмотрел (чем?) грустными глазами, но посмотрел (как?) грустными глазами. Из-за того, что в качестве ‘действующей’ в контексте А. Белого названа нехарактерная часть тела (гогоча ... **лицами**, глядел ... **лицом**), валентность Instr начинает также восприниматься как «выделенная». Таким образом, в контексте живо ощущаются, совмещаясь, обе валентности – Instr и Mod: некто глядел так необычно (Mod), потому что он глядел не глазами, а всем лицом (Instr). Семантический Эффект, достигаемый указанными преобразованиями, – это именно эффект стертости лица, отдельных лиц, невыделенности в них глаз, индивидуальных черт, а ведь собственно это А. Белому и

важно, когда речь идет о «дворниках» и «обывателях», представителях «быта» в его непреодолимом и неизбывном для А. Белого противопоставлении истинному Бытию.

Выводы. Рассмотрев, таким образом, отдельные примеры языковых аномалий А. Белого, можно заключить, что их возникновение возможно на любом из выделяемых уровней вербализации мысли: о каких-либо предпочтениях в этом плане говорить пока что сложно (по крайней мере, проанализированный материал не дает еще такой возможности). Вероятно, это связано также с тем, что аномалия на более глубинном уровне влечет за собой очень часто аномалию на уровне более поверхностном. Что касается функциональной нагрузки языковых аномалий в текстах А. Белого, то это, во-первых, стереоскопическое представление ситуации в результате совмещения двух разных пространств или двух разных временных срезов, а во-вторых, реализация тенденции к остраненному, не замутненному конвенциями взгляду на действительность. Обе тенденции относятся, как известно, к числу основополагающих принципов модернистической прозы, у истоков которой в русской литературе стояли символисты.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и противоречие // Апресян Ю.Д. Избр. труды: В 2 т. – Т.2. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 453 - 466.
2. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Наука, 1999. – С.144-121.
3. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної девіатології. – Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000.
4. Дмитровская М.А. «Переживание жизни»: о некоторых особенностях языка А.Платонова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 107-115.
5. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А.Платонова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 125-139.
6. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А.Платонова) // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С.392-419.
7. Михеев М. В мир А.Платонова – через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
8. Сабуров Е. Прошло сто лет, и юный град // Октябрь. – 2004. – №12. – С.68-85.
9. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.12. М: Наука, 1983.

Гажева І.Д. МОВНІ АНОМАЛІЇ У ПРОЗІ А. БЕЛОГО

Мовні аномалії у статті розглянуто як характерну ознаку письменницького ідіостилю А. Белого, продемонстровано можливості їхньої типологізації з точки зору теорії породження мовлення; виявлено їхнє функціональне навантаження з огляду на специфіку світовідчуття письменника.

Ключові слова: мовні аномалії, теорія породження мовлення, вербалізація, категоризація, глибинна структура, поверхнева структура

Gazheva I.D. LANGUAGE ANOMALIES IN THE A. BELYJ'S PROSE

Language anomalies are considered in the article as intrinsic traits of A. Belyj's individual style; a possibility of discovering of their types from the position of speech generation is outlined; their functional loading in a projection to specificity of writer's outlook is revealed.

Key words: language anomalies, theory of speech generation, verbalization, categorization, deep structure, surface structure

Поступила в редакцію 27.02.2007 г.